

УДК 316.44

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич – к. филос. н., руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5. petuhovvv@mail.ru

БАРАШ Раиса Эдуардовна – к. полит. н., научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН

raisabarash@gmail.com

СЕДОВА Наталья Николаевна – старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН

nnsedova@inbox.ru

ПЕТУХОВ Роман Владимирович – к. ю. н., научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ В РОССИИ: МОТИВАЦИЯ, ЦЕННОСТИ И ФОРМЫ УЧАСТИЯ¹

Аннотация. Авторы материала исследуют основные направления гражданского активизма в России. Прослеживая динамику российской социально-политической активности последних лет, авторы делают вывод, что, несмотря на зримый всплеск в 2010–2013 гг., организованный гражданский активизм характерен для очень ограниченной социальной страты. Причем многие гражданские активисты четко разделяют для себя социально значимые проекты и политический активизм, с заметно меньшим энтузиазмом вовлекаясь в политическую самоорганизацию, тогда как россияне в целом считают равно важными составляющими демократии реализацию и политических, и социальных прав граждан – начиная со снижения уровня социального неравенства и заканчивая расширением возможностей политического участия для более широких слоев населения.

Ключевые слова: гражданский активизм, ценности, демократия участия, политический протест

В последние годы сформировался устойчивый стереотип, согласно которому российское общество характеризуется как апатичное, инертное, безразличное ко всему, что не касается частной жизни граждан. Между тем, социальная мобильность, рационально-активистская модель социального действия, связанная с «освоением» имеющихся в обществе политических и экономических ресурсов, является одним из ключевых критериев развитости любого современного государства и той «матрицы», которая предопределяет характер и направленность социального и политического участия.

Исследование Института социологии, проведенное в марте 2014 г., показало, что отмеченный стереотип далек от реальности. Активное включение в сознательную жизнь поколения «нулевых», рост численности среднего класса актуализировали в общественном сознании значимость нематериальных (постматериальных) факторов удовлетворенности жизнью, ориентацию на ценности самореализации и обращение к активистским практикам различного характера. Как показало исследование, группы населения, ориентированные на инициативность, умение добиваться успеха, чувство собственного достоинства, рациональность, готовность к сотрудничеству, стремление к переменам, в настоящий момент составляют 37%

¹ Методической основой исследования являлся общероссийский социологический опрос, проведенный Институтом социологии РАН «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» в сотрудничестве с Некоммерческим Фондом ИСЭПИ в марте 2014 г. по репрезентативной выборке. Было опрошено 1600 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 10 социальных групп населения. Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел.

населения и численно превышают «инертных» россиян (29%), ориентированных на устойчивость, стабильность, воспроизводство себя в неизменной форме и, следовательно, негативно относящихся к переменам.

Типичным представителем активного типа, судя по результатам исследования, является россиянин в возрасте до 30 лет, имеющий высшее образование и проживающий в крупном областном или краевом центре, относящий себя к средним слоям общества и достаточно часто (не менее раза в неделю) использующий социальные сети. Типичный представитель инертного типа — житель районного центра в возрасте старше 60 лет, имеющий среднее специальное образование и вышедший на пенсию, относящий себя к низшим слоям общества и не использующий социальные сети.

Исследование Института социологии также показало, что тотального разочарования ни в российской, весьма несовершенной версии демократии, ни, тем более, в демократических ценностях как таковых у наших сограждан нет. Современную Россию демократической страной считают 42% респондентов, что несколько больше, чем 2 года назад, но примерно такое же число респондентов (40%) придерживаются противоположного мнения. Причем их критический настрой адресован в основном институтам и механизмам, призванным переводить многообразные индивидуальные и групповые интересы граждан на язык общезначимых проблем (парламент, политические партии, профсоюзы, НКО и т.д.). Видение россиянами перспектив демократии в нашей стране заметно отличается от традиционных подходов многих политиков и экспертов, настаивающих на ее локализации лишь в сфере политики и выборных процедур. Граждане рассматривают потенциальные возможности демократии, во-первых, в более широком контексте и, во-вторых, более инструментально.

Желаемая модель демократии в их представлениях базируется в основном на двух «китах» — правовой защищенности и экономической эффективности. Также весьма востребованными атрибутами демократии является социальная справедливость, возможности для самовыражения, включая политическое представительство, и независимый суд. То есть, демократия, отвечающая интересам большинства, — это, прежде всего, работающий механизм, ориентированный на реализацию не только политических, но и социальных прав граждан, начиная со снижения уровня социального неравенства и заканчивая расширением возможностей политического участия для более широких слоев населения, чем это существует сейчас.

Совершенно очевидно, что формирование такого механизма — дело самих граждан, их активности, настойчивости, способности к самоорганизации. Причем кризис институциональной сферы, традиционных политических структур в каком-то смысле может стать триггером развития низовых форм демократии, разнообразных гражданских инициатив. Но также очевидно, что создание подлинно демократического порядка не может быть лишь результатом «живого творчества масс», а предполагает разнообразные формы общественно-государственного партнерства. Соответственно, ключевым аспектом современной демократической «повестки дня» становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним.

С этой точки зрения интерес представляет мнение самих россиян, выявленное в ходе исследования приоритетных направлений общественно-государственного партнерства. К сферам и областям жизни, где без усилий самих граждан решить волнующие их проблемы затруднительно, респонденты отнесли практически всю социальную сферу (здравоохранение, образование, проблемы активной старости, адаптации социально уязвимых групп населения). Но довольно многие респонденты выделили сферы, выходящие за рамки частных интересов, имеющие общезначимый характер: 43% отметили важность активного участия граждан в защите окружающей среды, 41% — прав человека, 38% — участия в благотворительной деятельности. Неожиданно высокий процент (30%) получила опция «диалог между поколениями», что, по всей видимости, связано с пониманием того, что традиционные институты ретрансляции опыта поколений (школа, семья, медиа) с этой

задачей не справляются и, соответственно, могут и должны быть дополнены гражданскими институтами, лидерами общественного мнения, новыми формами коммуникации и т.д.

Исследование показало и нарастающую усталость общества от представленных в Думе партий и одновременно невостребованность новых игроков – многих россиян не устраивают не столько сами партии, сколько доминирующий в нынешнем парламенте альянс партийных функционеров, бизнесменов и так называемых медийных персонажей (спортсменов, артистов, шоуменов). Они хотели бы видеть парламент, во-первых, более профессиональным, в котором были бы широко представлены экономисты, юристы и другие ученые, во-вторых, более адекватно репрезентирующим основные социальные группы и слои общества (учителя, врачи, военные, рабочие, крестьяне) и, в-третьих, представляющим гражданских активистов и известных в стране общественных деятелей.

Данные социологического исследования свидетельствуют, что гражданский активизм россиян стал реальным фактом жизни нашего общества. Сформировано ядро активистов, участвующих на регулярной основе в гражданских и политических практиках. Есть еще более обширный слой граждан, являющихся своеобразным социальным гумусом, ресурсом участия, интересующихся общественной и политической жизнью, готовых оказать поддержку различным движениям и течениям, т.е. способных в перспективе при благоприятных условиях стать активными участниками общественно-политических движений и процессов. Ту или иную степень включенности в политическое участие сегодня демонстрируют 57% россиян, из которых 12% уже практикуют деятельные формы участия (от интернет-сообществ политических единомышленников до членства в партиях), а 45% проявляют интерес к политике, но пока не выходят за рамки эпизодической и преимущественно парадной включенности (ограничиваются обсуждениями политики в ближнем кругу и голосованием на выборах). Исследование выявило потенциал активизации этого периферийного слоя политического участия и пополнения за их счет группы политических активистов – с нынешних 12% до возможных 20%. Причем наибольший потенциал роста участия (по 3–4%) фиксируется на тех направлениях, которые связаны с деятельностью конкретных организаций (политических, правозащитных, МСУ), включенных в институциональную инфраструктуру общества, обладающих легитимностью, налаженными коммуникациями с властью, и, в конечном счете, дающих возможность решения конкретных политических и социальных задач.

В рамках политического участия важно подчеркнуть место таких новых и активно развивающихся форм, как участие в подготовке и проведении выборов в качестве наблюдателей, агитаторов, сборщиков подписей (6%), а также поддержание связей с политическими единомышленниками в Интернете (в социальных сетях, на форумах – 3%). Несмотря на довольно скромные текущие показатели распространенности, оба этих формата имеют хорошие перспективы развития. В первом случае они связаны с успешным опытом освоения новых практик (это, прежде всего, наблюдатели) в ходе прошлых парламентских и президентских выборов, получивших к тому же широчайший общественный резонанс. Потенциал же развития интернет-сообществ связан с существенным ростом числа интернет-пользователей, прежде всего в провинции.

Социальная база *неполитического* гражданского активизма составляет 34% населения, в т.ч. 17% участвуют в деятельности одной организации; 9% – двух, 8% – в деятельности трех и более организаций. Топ-лист форм *неполитического* участия свидетельствует о сосредоточенности участия, прежде всего, на тех направлениях, которые связаны с повседневной жизнью и интересами граждан: это интернет-сообщества по интересам, ассоциации соседей и ТСЖ, профессиональные сообщества (по 8–10%). Как о сложившейся форме *неполитического* участия, имеющей широкую базу социальной поддержки можно сегодня говорить и о благотворительных организациях (6%). Таким образом, на сегодняшний день список наиболее востребованных форматов *неполитического* гражданского участия возглавляют так называемые «новые активности».

Между политической и *неполитической* составляющими гражданского активизма

существует тесная связь. Подавляющее большинство опрошенных (79–81%), участвующих в деятельности неполитических общественных организаций, в той или иной форме включены и в политическую жизнь страны. Чем выше степень включенности граждан в неполитические формы и практики гражданского активизма, тем выше и более деятельна их политическая включенность. Неполитический и политический активизм не противопоставлены, а, напротив, дополняют друг друга, и чем выше «градус» активности, тем плотнее их взаимопроникновение. В этой связи необходимо учитывать, что развитие неполитических гражданских практик участия в перспективе с очень большой долей вероятности приведет к росту политического участия.

Общественные организации и движения имеют в обществе в целом довольно высокий уровень потенциальной поддержки населением. В первую очередь на это могут рассчитывать организации, ориентированные на оказание помощи нуждающимся людям и «нейтральные» по отношению к государству — не предполагающие его поддержки, но и не конфликтующие с ним (благотворительные, волонтерские). Несколько другой акцент отношения — интерес, но без желания поддержать их лично — характерен для организаций, предполагающих активное взаимодействие с властью, включая конфликтное (по защите трудовых прав, борьбе с коррупцией, контролю за выборами). Другими словами, вычерчивается вектор участия, канализирующий активное взаимодействие людей с внешним миром и их стремление к совместным проектам, но позволяющий им либо минимизировать отношения с государством и властью, либо оказывать на государственные органы давление с целью побудить их выполнять вмененные им функции.

Активная включенность в гражданские практики связана сегодня с высокими показателями социального самочувствия их участников (удовлетворенность жизнью в целом, материальной обеспеченностью, возможностями профессиональной самореализации, получения образования), включенностью в разнообразные сети социальных коммуникаций, со стремлением жить в справедливом и разумно устроенном обществе, с готовностью к борьбе за свои права и перемены в жизни.

На фоне сравнительно невысокого уровня политического и общественного участия меняется *качество* этого участия. Оно становится более осмысленным, социально мотивируемым и для многих совершенно бескорыстным. Основное место в структуре мотивов занимают стремление защитить свои права, возможности общения с единомышленниками, а также (хотя и в несколько меньшей степени) стремление сделать мир лучше. Это принципиально важно, поскольку еще совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная.

Сегодня мы наблюдаем обратный процесс — рост интереса к разнообразным неформальным формам низовой самоорганизации — волонтерству, движению «одного требования», действующих в большинстве случаев на принципах добровольности и альтруизма. В нашей стране происходит то, о чем А. Турен и Р. Инглхарт писали в конце 1990-х гг. применительно к европейским реалиям [Турен 1998, Инглхарт 1997]: отказ общества служить «дисциплинированным войском» политиков, выражаемое в стремлении людей доводить общественные требования напрямую, благодаря отделенным от государства и партий общественным движениям, что открывает возможность заявить о себе новой генерации молодых гражданских активистов, многие из которых уже в ближайшее время станут и уже становятся известными стране политиками. Причем желание принести пользу людям, стране в целом свойственно все большему числу российской молодежи. Но пока, как показывает исследование, подавляющее большинство наших сограждан не рассматривают ни общественное, ни политическое участие в качестве «социальных лифтов», возможностей для индивидуального продвижения. Между тем, в условиях сокращающегося рынка занятости, особенно для молодежи, именно «третий сектор» мог бы стать (и отчасти становится) стартовой площадкой для реализации жизненной энергии многих ее представителей.

Основной фактор, демотивирующий гражданскую активность в российском обществе, — уверенность многих граждан, что их личное участие ничего не изменит. Ощущение беспомощности и бесправности «простого человека» является одним из устойчивых социальных мифов, затрудняющих развитие гражданского активизма в России. Его преодолению могли бы способствовать транслируемые через СМИ примеры успешных гражданских инициатив, в т.ч. предпринимаемых гражданами в индивидуальном порядке. Среди проблем, вокруг которых может быть структурировано такого рода взаимодействие, наиболее острыми являются борьба с коррупцией, национальный вопрос, экология и ряд других.

Несмотря на имеющиеся в обществе в целом и среди молодежи в частности ценностные и мировоззренческие расхождения, пространство согласия (не всегда отрефлексированного) также достаточно велико. Оно, в частности, просматривается в желаемом образе России как общества «равных возможностей», ключевыми слагаемыми которого являются идея социальной справедливости, правового равенства, ценности самовыражения и самореализации, стремление к благополучию, а также сохранение не только сильного, но и уважаемого гражданами государства.

Гражданский активизм представляет собой многоуровневое, тематически разнообразное и сложно организованное явление, имеющее к тому же свою региональную и местную специфику [Российский неполитический активизм 2014: 18]. Исследование показало, что значительный, но пока слабо реализуемый потенциал гражданской активности заложен в местных сообществах. Распространенная точка зрения об отсутствии у россиян запроса на реальное местное самоуправление, предусматривающее активное непосредственное участие в решении вопросов местной жизни, не находит эмпирического подтверждения. Каждый третий опрошенный заявил о своей готовности включиться в деятельность по благоустройству среды своего обитания — ходить на субботники, работать в товариществах собственников жилья. Каждый второй готов участвовать в публичных слушаниях и инициативных группах по сбору подписей за или против какого-либо нововведения, строительства. Граждане не менее пристально следят за происходящим в их локальных сообществах, чем за региональной и федеральной повесткой дня, обсуждают происходящее с родными и друзьями.

Более того, проведя качественное эмпирическое исследование в двух небольших городах Пермского края, группа российских исследователей пришла к выводу о том, что сложившаяся сегодня в российской провинции система локальной власти позволяет ее субъектам не только ориентироваться на достижение общественно значимых целей, но и успешно реализовывать свои персональные и/или корпоративные интересы [Чирикова и др. 2014: 103].

Безусловно, между потенциальным и реальным участием — огромная дистанция. О своем личном участии в работе органов местного самоуправления заявляют не более 2% опрошенных. Хотели бы в них работать чуть больше — 4–6% опрошенных. Чаще других это желание высказывают жители сельских поселений и поселков городского типа, респонденты 41–50 лет с высшим образованием, довольные своим материальным положением. И это понятно, учитывая неоднозначное отношение россиян к местной власти, которой, в отличие от остальных уровней публичной власти, доверяют заметно меньше респондентов (32%), чем не доверяют (41%). Подавляющее большинство опрошенных (78%) не видят на данный момент возможности повлиять на принимаемые властью решения по важным для них вопросам. Как следствие, в обществе сформировалось устойчивое отношение к муниципалитетам как к «недовласти», инстанции, отчасти справляющейся со своими обязанностями, но не обладающей реальными полномочиями и управленческой свободой и во всем зависимой от регионального руководства, а главное — не заинтересованной в вовлечении граждан не только в работу органов местного самоуправления, но и в иные формы общественной самодеятельности.

Преодолеть существующее у населения недоверие и отчужденность по отношению к местной власти невозможно только за счет изменения порядка ее формирования и деятельности. Для этого необходимо на деле (а не только на словах) обе-

спечить реальное участие граждан в решении вопросов местного значения, что, в частности, предполагает реализацию мер, многие из которых уже предусмотрены федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»:

1) местный референдум, решения которого обязательны для исполнения и на который могут быть вынесены вопросы местного значения;

2) правотворческая инициатива граждан, позволяющая гражданам добиться рассмотрения органами и должностными лицами местного самоуправления разработанных ими проектов муниципальных правовых актов;

3) публичные слушания, на которые могут выноситься и обсуждаться проекты любых муниципальных правовых актов, касающихся вопросов местного значения;

4) собрания граждан, предназначенные для обсуждения вопросов местного значения, информирования населения о деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления;

5) опросы граждан, которые могут проводиться для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами и должностными лицами местного самоуправления, а также органами государственной власти.

Несмотря на то, что правовая база для активизации гражданского участия в самоуправлении создана уже довольно давно, на практике ни вышеперечисленные, ни иные закрепленные в федеральном законодательстве формы непосредственного участия жителей в решении вопросов местного значения практически не применяются. Поэтому в качестве первоочередной задачи необходимо обеспечить их более активное использование муниципальными властями при осуществлении своей деятельности. Далее можно будет переходить к формам гражданского участия, предполагающим более значительную включенность жителей в управление муниципальным образованием, например, к такой форме местной демократии, как гражданский бюджет, предполагающей возможность распределения гражданами части или всех средств бюджета соответствующего муниципалитета [Об опыте работы...].

Задачей первостепенной важности здесь является формирование сообществ и содействие активности по «месту жительства». Главный ресурс гражданского участия на местах — это фактор «шаговой доступности», т.е. район, улица, дом, где концентрируется огромный невостребованный потенциал не только многообразных форм активизма, но и общественной солидарности. Тем более что, как показало исследование, появляется все большее число людей, для которых не безразлично, что происходит в их городах, районах, дворах и подъездах. Они готовы своими усилиями благоустроить свое жизненное пространство, делать его более удобным и красивым. Для того чтобы такие гражданские инициативы продолжали возникать и успешно развиваться, необходимо понимание и поддержка со стороны городских и региональных властей.

Протестная активность принципиально отлична от иных форм гражданского активизма и общения с властью. Прежде всего, потому, что протест способен самостоятельно «производить» политический дискурс и повестку, предлагая новый язык и альтернативные механизмы коммуникации. Исследование Института социологии РАН, проведенное в марте 2014 г., как и многие другие [Материалы заседания... 2012: 3-5], демонстрирует, что в современной России, как и в других странах мира, «человек протестующий» является весьма сложно мотивированным в своих ценностных ориентациях и поведенческих установках. Протестная активность не есть линейное производное от уровня социального недовольства населения и поэтому подвержена заметным колебаниям, неожиданным всплескам и таким же неожиданным спадам.

В настоящее время Россия переживает заметный спад протестных настроений. За последние 2 года с 7 до 4% сократилась доля тех, кто лично участвовал в акциях протеста. Еще более заметно сократилось число готовых «морально» поддерживать протестующих — с 46 до 32%. На этом фоне вполне естественным выглядит двукратное сокращение уровня поддержки несистемной оппозиции (до 10%) в случае ее гипотетического конфликта с властью, тогда как ядро сторонников власти

осталось практически неизменным (21–24%). В то же время свыше 60% россиян в случае, если этот конфликт из гипотетического перерастет в реальный, попытаются максимально от него дистанцироваться, сохранив нейтралитет. В этой связи можно говорить о перетекании значительной части граждан в разряд носителей «безысходного терпения» [Левада 1999: 7–13] – латентного недовольства властью и ситуаций в стране, но опасющихся повторения в России событий, аналогичных происходящим в соседней Украине.

Как показал опрос, сегодня россиян на акции протеста могут вывести лишь действительно серьезные причины вроде угрозы беззакония и произвола правоохранительных органов либо угрозы социального и экономического коллапса. Проблема свертывания демократии не вызывает у россиян сильного отклика. Да и бороться за свои права граждане, как они сами об этом говорят, готовы скорее легальными методами (обращение в судебные органы, подписание петиций и обращений в органы власти), поддержка радикальных силовых форм борьбы резко снизилась.

При этом конформизм и долготерпение якобы консервативной, по мнению ряда экспертов, российской глубинки сильно преувеличены. Уже сегодня готовность выступать в защиту экономических и социальных прав граждан чаще высказывают жители сельских поселений (40%) и поселков городского типа (45%), тогда как жители мегаполисов, несмотря на то что там преобладает «ядерный» протестный электорат, заметно реже (26%) демонстрируют такую готовность. Другой вопрос, что легальных эффективных возможностей у жителей глубинки существенно меньше, что объясняет возврат в нашу жизнь таких архаичных форм выражения своего недовольства, как стихийные бунты, погромы и т.п. В этой связи тревожным фактом является то, что сегодня происходит латентная легитимация радикальных форм политической борьбы – все больше граждан считают допустимой мерой защиты своих прав формирование боевых отрядов (с 25% в 2012 г. до 28% в 2014 г.). Вероятно, это временное явление, обусловленное героизацией СМИ «партизанской войны» на Украине, но вместе с тем агрессивный дискурс перестает восприниматься как маргинальный.

Важным фактором протестной активности сегодня остается интернет-коммуникация. Среди активных пользователей социальных сетей действительно несколько выше уровень симпатии к оппозиции и участникам акций протеста. Но ключевой индикатор влияния социальных сетей на протестную активность – личное участие, – судя по данным опроса, минимален. Лишь около 5% из числа пользователей социальных сетей принимают участие в протестных акциях. В этой связи можно говорить о тенденции складывания виртуальных «слабых сетей» [Granovetter 1983: 201–233] – групп единомышленников. Это, безусловно, имеет большое значение, но говорить о социальных сетях как ключевом триггере общественного и политического активизма пока не приходится. Для значительной части россиян, особенно молодежи, социальные сети действительно являются фактически единственной формой работающей низовой горизонтальной самоорганизации и – шире – свободы самовыражения, слова и информации. Но подавляющее большинство пользователей Интернета интересуется в первую очередь возможностью общаться и обмениваться мнениями, получать доступ к оперативной информации и новостям и просто развлекаться.

Таким образом, гражданская активность представляет собой деятельность самых разных общественных и политических сил, преследующих различные социальные, политические, идеологические и экономические интересы, и является объективным условием развития современного российского общества. Массовость социального и политического участия сегодня менее актуальна по сравнению с проблемой его качества, способности гражданских движений и объединений аккумулировать многообразные интересы различных групп и слоев населения, а затем трансформировать в реальные практики. Но главное условие формирования новых форм гражданского активизма – поддержка ответственных граждан, которые бы чувствовали свою сопричастность ко всему, что происходит вокруг них, начиная с собственного двора и заканчивая страной в целом.

Список литературы

Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. — *Полис*. № 3.

Левада Ю.А. Человек недовольный: протест и терпение. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999. № 6(44). С. 7-13. Доступ: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/18979308/> (проверено 6.08.2014).

Материалы заседания Научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе». 2012. Доступ: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovet/2012_05_protesty_stenogramma.pdf (проверено 6.08.2014).

Об опыте работы гражданского бюджета в польских городах. Доступ: <http://urbanurban.ru/blog/experience/469/Dayte-nam-porulit-kak-rabotaet-grazhdanskiy-byudzhet-v-polskikh-gorodakh> (проверено 6.08.2014).

Российский неполитический активизм. Отчет о результатах исследования. 2014. Центр ГРАНИ. Пермь: ПК «Астер».

Турен А. 1998. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М.: Научный мир.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. 2014. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов. — *Полис*. № 2(140).

Granovetter M. 1983. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. — *Sociological Theory*. Vol. 1. P. 201-233.

PETUHOV Vladimir Vasilievich, *Cand.Sci.(Philos.)*, Head of the Centre for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, Moscow, Russia, 117218; petuhovv@mail.ru)

BARASH Raisa J Eduardovna, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, Researcher of the Centre for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (raisabarash@gmail.com)

SEDOVA Natalia Nikolaevna, *Senior Researcher of the Centre for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences* (nnsedova@inbox.ru)

PETUHOV Roman Vladimirovich, *Cand.Sci.(Legal)*, Researcher of the Centre for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (petuhovrv@yandex.ru)

CIVIC ACTIVISM IN RUSSIA: MOTIVATION, VALUES AND FORMS OF PARTICIPATION

Abstract. The authors pay attention to the forms, motivation and the dynamics of the civil activism in Russia. Analyzing the dynamics of the Russian social and political activity of the latest years authors conclude that despite a visible upsurge of the civil activism during 2010–2013 civil activism in Russia is still the privilege of a very narrow social strata. Moreover, many civil activists are very enthusiastic about the social activism, while they are less enthusiastic about engaging in political self-organization. But Russian citizens in whole perceive the goal of the protection of political rights as well as social ones.

Keywords: civil activism, values, participatory democracy, political protest

References

Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. The Authority in a Small Russian City: Configuration and Relationship between Main Actors. — *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014. № 2(140). P. 103-104.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. — *Sociological Theory*. 1983. Vol. 1. P. 201-233.

Inglhart R. Postmodern: Changing Values and Changing Societies. — *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1997. № 4. P. 18-28.

Levada Yu.A. The Discontented Man: the Protest and the Patience. — *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie peremeny*. 1999. №6 (44). P. 7-13. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/18979308/> (accessed 6.08.2014).

Materialy zasedaniya Nauchnogo soveta VTsIOM «Istinnyie prichinyi i mehanizmyi zimne-vesennego protestnogo dvizheniya i perspektivy ego prodolzheniya na novom etape» [Shorthand record of the session of the Scientific Council

of VTsIOM «The real causes and mechanisms of the winter-spring protest movement and the prospects of its development on a new stage»]. 2012. URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/soviet/2012_05_protesty_stenogramma.pdf (accessed 6.08.2014).

Ob opyite raboty grazhdanskogo byudzhet v polskih gorodakh [About the Experience of the Citizens' Budget in Polish Cities]. URL: <http://urbanurban.ru/blog/experience/469/Dayte-nam-porulit-kak-rabotaet-grazhdanskiy-byudzhet-v-polskikh-gorodakh> (accessed in 6.08.2014).

Rossiyskiy nepoliticheskiy aktivizm. *Otchet o rezultatah issledovaniya [The Russian Non-political Activism. Report based on the results of the study]*. 2014. GRANI Centre. Perm: PC «Aster» Publ.

Touraine A. *Le retour de l'acteur. Essai de sociologie*. M.: Le Monde scientifique, 1998. 204 p. (Russ. ed. Turen A. 1998. *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushego. Ocherk sotsiologii*. M.: Nauchniy mir. 1998. 204 c.)

УДК 323.225

СОКОЛОВ Александр Владимирович – к.полит.н., доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 10. alex8119@mail.ru

СОЛОВЬЕВА Ася Владимировна – магистрант Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
fornightingale@gmail.com

ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы вовлечения и мобилизации граждан в сетевые общественные движения. Избирательный цикл 2011–2012 гг. в России стал переломным моментом в жизни общества, т.к. этот процесс открыл широкое протестное движение и поднял проблему ценностей и единства российского общества. В статье отмечается роль Интернета в формировании и развитии сетевых движений. Специфика современных механизмов мобилизации заключается в использовании оперативной взаимосвязи, онлайн-овых площадок для обсуждения. Важным стало не только грамотно сформулировать идею, но и оперативно донести ее до аудитории. Характеризуются организационные особенности процесса мобилизации на примере кооперации в рамках гражданской кампании против добычи никеля в Воронежской обл. Делается вывод, что позитивные результаты общественно-политических кампаний в России повышают уровень гражданской ответственности.

Ключевые слова: мобилизация, гражданская активность, сетевое движение, протест, протестное движение

В последние годы в различных сферах общественных отношений наблюдается рост мобилизации граждан и общественных групп на решение актуальных социальных проблем. Наиболее активно этот процесс протекает на местном уровне и характеризуется многовекторной направленностью: сверху вниз – со стороны власти, через стимулирование социальной активности, расширение механизмов вовлечения граждан в решение вопросов местного значения; снизу вверх – со стороны населения, через расширение консенсуальных или протестных форм решения актуальных для населения проблем [Скалабан 2011: 132].

Одной из самых ярких форм мобилизации является протестная деятельность. В процессе ее организации используются не только классические каналы и процедуры, но и вновь формируемые [Соколов 2012: 80]. Значительное место среди них занимают интернет-инструменты.

По утверждениям специалистов, мобилизационные возможности Интернета впервые проявились на Ближнем Востоке («бархатные революции»). Ваэль Гоним, региональный менеджер компании Google по маркетингу на Ближнем